гарнизоны находятся в Киеве и других городах "под которыми казаки, как перепелицы под ястребом, не могут головы поднять", во-вторых, шведские войска находятся далеко от Украины, а русские в Польше, в-третьих, в Украине нет согласия: одни благоволят к Московской протекции, другие склоняются к союзу с татарами, в-четвертых, правобережные полковники никогда не пойдут на союз с Польшей, в-пятых, несколько тысяч регулярного и хорошо вооруженного великороссийского войска находятся неотлучно при гетмане и "бодрым оком" смотрят на все его действия, в-шестых, сама Речь Посполитая раздвоена и требует согласия.

Таким образом, совершенно очевидно, что осторожный Мазепа на всякий случай давал Лещинскому некоторую надежду в том смысле, что при определенных условиях, он может пойти на сближение. Лещинский же, желая расплатиться за польскую корону, выслуживался перед Карлом XII, все время пытаясь представить дело так, что, якобы, благодаря его усилиям казацкий вождь Мазепа может содействовать победе на Россией. Однако амбициозный шведский король, во-первых, не просил о такой услуге, а, во вторых, он и мысли не мог допустить, что для победы над слабым соперником, ему нужна чья-либо помощь. Тем более, от казаков, которые, по его мнению, могут пригодиться только для погони, но никак не для серьезного боя. Составив свое представление о Мазепе, он просто велел Лещинскому передать Мазепе, что пока ничего предпринимать не следует, а в нужное время он получит инструкции о дальнейших действиях. Зная хвастливость Лещинского, Мазепа отныне не мог не болтливость и опасаться того, что слухи о его контактах с Карлом XII дойдут до его царского величества. У гетмана начался период нервного ожидания неприятностей.

Следующий контакт с посланцем Лещинского произошел уже в январе 1708 года, когда гетман находился в своей резиденции в Батурине. Все это время Иван Степанович находился в постоянных раздумьях, старшина тоже нервничала, собираясь вместе и обсуждая создавшееся положение в виду